

DOI 10.35775/PSI.2025.116.4.008

УДК 32.323

И.А. СОПОВ

соискатель ГАОУ ВО «Коми республиканская
академия государственной службы и управления»,
Россия, Республика Коми, г. Сыктывкар
E-mail: electoral.politic@gmail.com

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ КАК ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

В статье анализируется переход от объективности к реконструкции ситуаций производства политического знания. В статье констатируется наличие кризиса принципа объективности, генезиса объективности, анализируются теоретические подходы классиков философской науки (Кант, Юм) которые стремились к универсальному обоснованию знания через априорные принципы (Кант) или эмпирическую проверку (Юм). «Кантовский синтез» политического знания может рассматриваться как объективность, как соответствие моральным и рациональным нормам (категорический императив). Отмечается «Юмовский» скепсис, в котором знание рассматривается как продукт опыта и привычки, что подрывает универсальность этики и политики. Научные революции XX века показали зависимость «объективности» от парадигм, логические эмпирики отвергли синтетические априорные суждения, объявив нормативные утверждения «бессмысленными». Статья предлагает заменить принцип объективности анализом контекстов, в которых создается политическое знание. Это включает исследование внешней среды, реконструкцию событий. Изучение концепций политических субъектов (партий, движений) через их собственное понимание реальности. Критерии истинности знания такие как эффективность это способность знания предсказывать и объяснять политические процессы, релевантность как соответствие целям и ценностям акторов (например, как экологические движения видят «справедливую климатическую политику»). Двойная задача политической науки заключается в прогнозе и осмыслении роил политических акторов, интерпретации мотивов, ценностей и культурного контекста участников политического процесса. Полидискурсивность исследования фиксирует интеграцию описательных, нормативных и ценностных элементов в единую аналитическую рамку. Отмечается, что концепция реализма игнорирует ценностный плюрализм и культурные особенности, а концепция постпозитивизм означает отказ от универсальной рациональности, формируется акцент на плюрализме знаний и относительно-сти истины. Легитимность политики не сводится к эффективности – она зависит от признания акторами. Новая парадигма политической науки заключается в переходе от объективности к контекстуальности, истина в политике – не абсолют, а продукт взаимодействия акторов в конкретных условиях. Полидискурсивность как метод

политического познания означает сочетание количественных методов с интерпретативной аналитикой.

Ключевые слова: позитивизм, политическое знание, политика, мораль, информация, коммуникация.

В политологии обоснование нормативных рамок (например, легитимности власти) через априорные принципы, которые не зависят от конкретного эмпирического контекста, задают универсальные критерии оценки. Моральное знание выступает основой политической теории. И. Кант рассматривает нравственные суждения как синтетические априорные, что позволяет утверждать объективность этики (категорический императив как формальный и общеобязательный принцип), связывает политику с моралью – законы и институты должны соответствовать априорным принципам разума, а не только прагматическим расчетам [26; 27. С. 17].

Легитимность политических решений оценивается не только через эмпирическую поддержку (например, результаты выборов), но и через соответствие универсальным моральным нормам (справедливость, уважение к автономии личности). Авторы подчеркивают влияние Д. Юма на эмпирическую социальную науку, но противопоставляют ему кантовский подход [23], Д. Юм писал о том, что знание основано на опыте и привычке, что ведет к релятивизму в этике и политике [24]. И. Кант же отмечал, что нормативные принципы (синтетические априори) обеспечивают объективную основу для критики эмпирических данных [27]. Эмпирические исследования в политологии (например, анализ электорального поведения) должны дополняться нормативным анализом, опирающимся на разумные априорные принципы.

И. Кант распространяет свою теорию на практическую философию, утверждая, что воля разумного существа подчинена категорическому императиву (синтетическое априорное суждение) [7. С. 434-438]. Это создает методологический мост между теорией и практикой: политические действия должны оцениваться через призму моральной необходимости. Политическая легитимность требует не только эффективности (эмпирический аспект), но и соответствия принципам справедливости (априорный аспект).

Проблема совмещения априорного и эмпирического знания, заключается в следующем – как синтетические априорные суждения (например, категорический императив) могут быть применены к конкретным политическим ситуациям, которые всегда контекстуальны? Критика когнитивизма у современных политологов видится в оспаривании идеи объективной истины в нормативных вопросах, акцентируя плюрализм ценностей. Отметим роль трансцендентального метода – насколько убедительны кантовские постулаты (свобода воли, бессмертие души) для обоснования политических теорий?

Вклад И. Канта в современную политическую теорию заключается в обосновании нормативной базы для критики политических институтов, интеграции этики в политический анализ через априорные принципы [7]. Актуальность

исследования заключается в следующем: в эпоху постправды и релятивизма кантовский подход напоминает о необходимости универсальных критериев оценки политики. Диалог между эмпирическими исследованиями и нормативной теорией остается ключевым для системного анализа политических процессов.

Таким образом, кантовская философия предлагает метатеоретическую рамку для политологии, где эмпирические данные и априорные нормы взаимодействуют, обеспечивая как описательную, так и критическую функции науки.

Развитие математики и физики в XX веке (неевклидова геометрия, теория относительности) опровергло представление Канта о синтетических априорных суждениях как основе научного знания. Например, геометрия перестала быть априорной, став зависимой от эмпирических моделей. Логические эмпирики (Венский кружок, Берлинское общество) объявили синтетическое априорное знание невозможным, признавая только: аналитические априорные суждения (логика, математика) – истинны по определению, синтетические апостериорные суждения – проверяемые опытом [7]. Нормативные принципы (например, кантовский категорический императив) лишились эпистемологического обоснования как априорные. Моральные суждения не являются когнитивными: они не описывают факты и не поддаются эмпирической проверке. Нормативные утверждения (например, «справедливость обязательна») бессмысленны с точки зрения знания, так как: не аналитические (не следуют из определений), не синтетические апостериорные (не верифицируемы). Утверждение «демократия лучше автократии» не истина, а выражение предпочтений или эмоций. Нормативный анализ политики объявляется ненаучным. Политология должна ограничиться эмпирическим описанием (например, анализ электорального поведения) и избегать ценностных суждений [4. С. 1395-1405]. Возникает парадокс, даже концепции вроде «легитимности» требуют нормативной оценки, что ставит под вопрос объективность политической науки [5. С. 75-92].

Исследование политических институтов через призму системного анализа или бихевиоризма, могут игнорировать вопросы справедливости или морали. Кратко рассмотрим синтетическую теорию политической науки демократии г. Лассуэлла, чья программа основывалась на том, что политология должна быть междисциплинарной, проблемно-ориентированной и нормативной, целью которой является реализация ценностей «американской демократии» (достоинство человека, равенство) [28]. Парадокс состоит в том, что г. Лассуэлл сохранял некогнитивистскую эпистемологию, считая ценности культурными условностями, а не объективными истинами [28]. Ценности «демократии» принимались как данность, без критической рефлексии, на практике политология 1960-1970-х эволюционировала в позитивистский анализ, сосредоточенный на технических методах (системный анализ, микроэкономическое моделирование).

Постпозитивистский ответ состоял в возрождении нормативности. Отрицание нормативности ведет к технократизации политики, где решения принимаются на основе эффективности, а не справедливости [6. С. 122-124]. Игнорирование этических последствий политики в угоду оптимизации

безопасности [8. С. 68-94]. Постпозитивизм (например, работы Ю. Хабермаса, Р. Ролза) вернул нормативные вопросы в науку, признавая их рациональную обоснованность через дискурс или перекрывающийся консенсус. Методологический плюрализм состоит в том, что современная политология сочетает эмпирические методы с нормативной теорией, отвергая дихотомию «факты vs ценности» [20. S. 11-65; 21. S. 7-65]. Например, исследования климатической политики анализируют не только данные выбросов CO₂, но и этику межпоколенческой справедливости, отношений общества к ценностям экологической повестки.

По нашему мнению, вызовы состоят в релятивизме – если ценности не априорны, как избежать субъективизма? Инструментализация политики означает риск подмены демократических ценностей технократическими решениями под видом «научности». Кризис априорного знания, спровоцированный логическим эмпиризмом, поставил под вопрос саму возможность нормативной политологии [3. С. 38-43]. Однако отказ от синтетических априорных суждений не привел к окончательному изгнанию ценностей из науки. Постпозитивистские подходы демонстрируют, что нормативность может быть рационально обоснована через дискурс, критическую рефлексию или прагматический консенсус. Современная политология, балансируя между эмпиризмом и этикой, остается полем борьбы за определение того, какое знание считать «политическим» и как соединить научную строгость с гуманистическими идеалами [3].

И. Кант связывает политику с моралью, утверждая, что законы и институты должны соответствовать универсальным принципам разума (категорический императив). Легитимность власти оценивается не только через эмпирическую поддержку (например, выборы), но и через соответствие справедливости и уважению автономии личности. В отличие от Юма, который видел в знании продукт опыта и привычки (что ведет к этическому релятивизму), И. Кант настаивает на объективности моральных норм, что позволяет критиковать политические решения с позиций универсальности [25].

Г. Лассуэлл совмещал нормативные цели (продвижение демократии) с неоконитивистской эпистемологией, что привело к технократизации политологии в 1960-х [28]. Ценности принимались как данность без рефлексии, а наука сосредоточилась на методах вроде системного анализа.

Отказ от априорных принципов усиливает риск субъективизма и подмены демократических ценностей технократическими решениями («оптимизация безопасности» в ущерб правам человека). Концепции вроде «легитимности» требуют нормативной оценки, что ставит под сомнение нейтральность политологии. Однако постпозитивизм показывает, что ценности можно рационально обосновать через дискурс или прагматический консенсус. Исследования цифровой демократии анализируют не только поведение избирателей (эмпирика), но и этические вопросы (право на приватность, прозрачность алгоритмов). И. Кант предлагает модель, где эмпирические данные и нормативные принципы взаимодействуют. Это особенно важно в эпоху «постправды», где релятивизм угрожает демократическим институтам [25]. Современная политология, следуя

постпозитивистским идеям, стремится избежать крайностей: как слепого эмпиризма, так и догматического нормативизма. Например, анализ миграционных кризисов требует учета статистики (эмиграционные потоки) и этических принципов (права беженцев).

Таким образом, кантовская философия остается ключевой для политического знания, напоминая о необходимости универсальных критериев в условиях ценностного плюрализма [10. С. 9-17]. Однако ее переосмысление через постпозитивистские подходы позволяет сохранить критическую функцию науки, не впадая в догматизм.

Анализ влияния внешней среды на качество политических суждений и принятие компромиссов. Окружающая среда общества воздействует на политические суждения посредством задействования двух механизмов коммуникации: «информацию» качество, полнота и структурированность данных о политических целях и их конфликтах; и «мотивацию» – стимулы для серьезного отношения к задаче принятия политических решений (например, осознание последствий выбора) [11. Р. 194-230]. Эти факторы определяют, насколько граждане способны рационально оценивать компромиссы и принимать взвешенные решения.

Исследования позволяют проанализировать, как граждане справляются с необходимостью выбора между конфликтующими целями («экономический рост vs. Экология»). Исследования позволят очертить контур четырех сценариев.

Таблица 1. Контур сценариев взаимодействия информации и мотивации

Сценарий	Характеристики	Результат
1. Базовая среда	Нет информации/ мотивации.	Большинство игнорирует компромиссы, требуя максимизации всех целей. Решения зависят от личных качеств (образование, политическая искушенность).
2. Частичные меры	Только информация или мотивация.	Изолированные меры неэффективны: мотивация без информации (или наоборот) не улучшает качество решений.
3. Комбинированная среда	Информация + мотивация.	Качество решений повышается, но сохраняется зависимость от компетентности граждан. Многие игнорируют компромиссы.
4. Высоко-диагностическая среда	Полная информация (о пределах возможного, конфликтах целей, решениях) + мотивация.	Рациональные компромиссы становятся нормой. Личные качества (образование, опыт) теряют значение.

В первом сценарии рассматриваются – базовая среда (нет информации/ мотивации) в котором большинство общества игнорируют компромиссы, требуя

максимального достижения всех целей [12. Р. 47-110]. Возрастает роль личных качеств, когда образованные и политически искушенные граждане и группы справляются с политическими вызовами лучше, чем остальные. Второй сценарий, при котором частичные меры (только информация или мотивация) означает, что информация о необходимости компромиссов не влияет на результат [16. Р. 118-141; 18. S. 333-339]. Мотивация, как стимул к серьезному отношению тоже не дает эффекта, а изолированные меры недостаточны. В третьем сценарии предусматриваются комбинации информации и мотивации, как следствие качество политических решений улучшается, но сохраняется зависимость от политической компетентности и образования и искушенности в разрешении политических конфликтов. Проблема данного сценария заключается в том, что многие члены общества по-прежнему игнорируют потенциал компромиссов в политике. В четвертом сценарии высокodiагностическая среда означает, что граждане получают конкретную политическую информацию о пределах возможного, конфликтах целей и вариантах решений и как результат большинство граждан идут на рациональные компромиссы. При таком сценарии образование и мотивация теряют значение, решения становятся независимыми от личных качеств [29].

Таким образом, личные качества (образование, политическая искушенность) значимы только в условиях дефицита политической информации (сценарии 1-3). При полной информированности (сценарий 4) их влияние минимизируется. Исследования позволяют констатировать, что политические институты должны предоставлять структурированную информацию о конфликтах целей (например, через интерактивные платформы), визуализировать последствия выбора (например, инструменты, показывающие влияние снижения налогов на социальные расходы), внедрять программы обучения критическому анализу информации и пониманию политических ограничений.

Таким образом, можно констатировать, что мотивация в системе политических координат «знание» – коммуникация» значима только при неполной информации (когда есть подсказки о наличии политического конфликта целей, но нет четких решений). При наличии полной информации мотивация не требуется достаточно понимания существующих нормативных ограничений. Важную роль играют личные качества, когда образование, компетентность и политическая искушенность важны только в условиях дефицита политической информированности [19. Р. 217-234].

Для политических институтов необходимо предоставлять структурированную информацию о конфликтах целей и возможных решениях (например, через интерактивные онлайн платформы). Например, могут быть эффективны онлайн-инструменты, визуализирующие последствия выбора (снижение налогов vs. рост социальных расходов). Для политологического образования важны акценты на разработку программ обучения критическому анализу информации и пониманию политических ограничений. Подача информации должна включать

контекст конфликтов и наличие альтернативных сценариев, а не только упрощенные тезисы удобные для потребления общества [2. С. 52-54].

В реальной политике информация часто искажена или подается с определенным уклоном позволяющим воздействовать на целевую аудиторию, граждан, обществом в целом (например, пропаганда, алгоритмические фильтры). Важную роль играют культурные различия, ведь в различных культурах социально-политические реакции по политические стимулы могут отличаться. Необходим учет возможных рисков использования диагностической информации для скрытого влияния массмедиа на выбор граждан (например, фрейминг).

Направления будущих исследований могут быть сосредоточены на анализе влияния цифровой среды, оценки влияния социальных сетей и искусственного интеллекта, AI-алгоритмов на восприятие политических компромиссов.

Качество политических суждений граждан не предопределено их образованием, компетентностью или наличием политического опыта – они зависят от информационной среды. Когда граждане получают четкие данные из окружающей внешней среды о пределах возможного и конфликтах целей, они способны на рациональные компромиссы даже без специальной политологической подготовки. Этот вывод меняет парадигму: вместо фокуса на «просвещении избирателей» важно создавать прозрачные и структурированные информационные системы. Однако остаются вызовы: от противодействия манипуляциям до учета культурного разнообразия. Исследования политического знания в условиях постпозитивизма, постмодернизма общества открывает путь к дизайну политических процессов, где решения основаны не на когнитивном превосходстве, а на равном доступе к пониманию контекста.

Традиционный подход фокусировался на «просвещении избирателей» через образование. Однако исследование показывает, что ключевым является фактор качества информационной среды [1. С. 167-204]. Граждане способны на рациональные компромиссы даже без специальной подготовки, если информация структурирована, прозрачна и отражает реальные конфликты целей. Те же онлайн-платформы, моделирующие последствия политических решений, могут снизить поляризацию в обществе, демонстрируя взаимосвязь политических и социальных целей развития (например, роботизация ↔ безработица).

Качество политических суждений определяется не столько личными качествами граждан, сколько средой, в которой они принимают решения. Объективно в перспективе политические институты будут инвестировать в создание прозрачных информационных систем (например, государственные дашборды с открытыми данными). Перед государством встанет задача регулировать цифровые платформы для минимизации манипуляций (борьба с фейками, алгоритмическая прозрачность), учитывать культурный контекст при проектировании информационных кампаний воздействия. Парадокс современности заключается в том, что чем сложнее политические вызовы (климатический кризис, миграция), тем больше требуется упрощения информации. Однако именно структурированная сложность (а не упрощение) ведет к рациональным компромиссам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Александр Д.** Общая теория в состоянии постпозитивизма: «эпистемологическая дилемма» и поиск присутствующего разума // Социология: Методология, методы, математические модели. 2004. № 18.
2. **Еремеев С.Г.** К проблеме актуализации политической власти как ценности в эпоху глобализации // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2012. № 3.
3. **Еремеев С.Г.** Образование в современной политической повестке дня // Полис. Политические исследования. 2015. № 1.
4. **Иохим А.Н.** Постпозитивизм в теории международных отношений: новая методология и проблема идентичности // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 7 (47).
5. **Розин В.М.** От принципа объективности научного знания к реконструкции разных ситуаций производства знаний // Идеи и идеалы. 2022. Т. 14. № 3-1.
6. **Тульчинский Г.Л.** Постпозитивизм и перспективы синтеза научного знания // После постпозитивизма: материалы Третьего Международного Конгресса Русского общества истории и философии науки, Саратов, 08-10 сентября 2022 года. Москва: Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», 2022.
7. **Чалый В.А.** Венская логика, Иммануил Кант // Историко-философский ежегодник. 2022. № 37.
8. **Чалый В.А.** Возвращая «культурный мандат»: Идея устойчивого развития в кантовской перспективе // Кантовский сборник. 2023. Т. 42. № 2.
9. **Чалый В.А.** Кант между либерализмом и консерватизмом // Кантовский сборник. 2014. № 4 (50).
10. **Чалый В.А.** Становление политической рациональности в политико-философских концепциях Реформации // Проблемы современного образования. 2017. № 4.
11. **Bartels Larry M.** «Uninformed Votes: Information Effects in Presidential Elections.» American Journal of Political Science. 1996. № 40.
12. **Burth H.P.** Normative Politics. An analytical study. «Verlag Dr. Kovavač Kovač». GmbH. Hamburg, 2010.
13. **Engelhardt Jr. H.T.** Konsens: Auf wieviel können wir hoffen? Eine begriffliche Erkundung, veranschaulicht an neueren Debatten über die Verwendung von Re-produktionstechnologien beim Menschen, in: Bayertz. 1996.
14. **Esser H.** Soziologie. Allgemeine Grundlagen. Frankfurt-New-York, 1993.
15. **Falter J.** Der ‚Positivismusstreit‘ in der amerikanischen Politikwissenschaft. Entstehung, Ablauf und Resultate der sogenannten Behaviorismus-Kontroverse in den Vereinigten Staaten 1945-1975. Opladen, 1982
16. **Falter J., Göhler G.** Politische Theorie. Entwicklung und gegenwärtiges Erscheinungsbild, in: Beyme, K. v. (Hg.), Politikwissenschaft in der Bundesrepublik Deutschland. Politische Vierteljahresschrift Sonderheft 17, Opladen 1986.

17. **Faust J., Lauth H.-J.** Politikfeldanalyse, in: Mols, M./Lauth, H.-J./Wagner, C. (Hg.), Politikwissenschaft: Eine Einführung, 3. Aufl., Paderborn u. a. 2001.
18. **Fischer F.** Reconstructing Policy Analysis: A Postpositivist Perspective, in: Policy Sciences. 1992. Vol. 25. № 3.
19. **Galston W.** Political knowledge, political engagement, and civic education // Annual Review of Political Science. 2001. № 4 (1).
20. **Habermas J.** Eine genealogische Betrachtung zum kognitiven Gehalt der Moral, in: ders., Die Einbeziehung des Anderen. Studien zur politischen Theorie, Frankfurt a. M., 1999.
21. **Habermas J.** Einleitung: Realismus nach der sprachpragmatischen Wende, in: ders., Wahrheit und Rechtfertigung, Frankfurt a. M., 2004.
22. **Habermas J.** «Vernünftig» versus «Wahr» oder die Moral der Weltbilder, in: ders., Die Einbeziehung des Anderen. Studien zur politischen Theorie, Frankfurt a. M., 1999.
23. **Hume D.** A Treatise of Human Nature, Clarendon Press, 1988.
24. **Hume D.** A Treatise of Human Nature. Ed. by L.A. Selby-Bridge, 2. Aufl., Oxford. [1739]. 1978.
25. **Kant I.** Kritik der praktischen Vernunft. (Hg. v. J. Kopper). Stuttgart, 2002.
26. **Kant I.** Kritik der Reinen Vernunft, S. 28 ff, in: Kant, I., Sämtliche Werke, Bd. 10.O., 2000.
27. **Kant I.** Kritik der Urteilskraft, in: Immanuel Kant, Sämtliche Werke, Bd. 2, o.o. 2000.
28. **Lasswell H.D./Kaplan A.** Power and Society: A Framework for Political Inquiry, 9. Aufl., New Haven. [1950]. 1976.
29. **Lodge Milton, Charles Taber and Aron Chase Galonsky.** «The Political Consequences of Motivated Reasoning: Partisan Bias in Information Processing.» Presented at the annual meeting of the American Political Science Association, Atlanta. 1999.
30. **Lodge Milton.** «Toward a Procedural Model of Candidate Evaluation.» In Political Judgment: Structure and Process, ed. Milton Lodge and Kathleen M. McGraw. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1995.
31. **Verba S., Schlozman K., Brady H.** Voice and equality: Civic voluntarism in American politics. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995.

I.A. SOPOV

Applicant GAOU VO «Komi Republican
Academy of Public Administration and Management»,
Syktyvkar, Komi Republic, Russia

POLITICAL COMPETENCE AND POLITICAL KNOWLEDGE AS OBJECTIVE FACTORS OF POLITICAL PARTICIPATION

The article analyzes the transition from objectivity to the reconstruction of situations of political knowledge production. The article states the existence of a crisis of the principle of objectivity, the genesis of objectivity, analyzes the theoretical approaches of the classics of philosophical science (Kant, Hume) who sought to universally substantiate knowledge through a priori principles (Kant) or empirical verification (Hume). «Kant's synthesis» of political knowledge can be considered as objectivity, as compliance with moral and rational norms (categorical imperative). «Humean» skepticism is noted, in which knowledge is considered a product of experience and habit, which undermines the universality of ethics and politics. Scientific revolutions of the 20th century showed the dependence of «objectivity» on paradigms, logical empiricists rejected synthetic a priori judgments, declaring normative statements «meaningless». The article proposes to replace the principle of objectivity with an analysis of the contexts in which political knowledge is created. This includes the study of the external environment, the reconstruction of events. The study of the concepts of political subjects (parties, movements) through their own understanding of reality. The criteria of the truth of knowledge such as effectiveness is the ability of knowledge to predict and explain political processes, relevance as compliance with the goals and values of actors (for example, how environmental movements see a «fair climate policy»). The dual task of political science is to predict and understand the roles of political actors, interpret the motives, values and cultural context of participants in the political process. The polydiscursivity of the study records the integration of descriptive, normative and value elements into a single analytical framework. It is noted that the concept of realism ignores value pluralism and cultural characteristics, and the concept of postpositivism means the rejection of universal rationality, an emphasis is formed on the pluralism of knowledge and the relativity of truth. The legitimacy of politics is not limited to effectiveness – it depends on recognition by actors. The new paradigm of political science is the transition from objectivity to contextuality, the truth in politics is not an absolute, but a product of the interaction of actors in specific conditions. Polydiscursivity as a method of political knowledge means a combination of quantitative methods with interpretive analytics.

Key words: positivism, political knowledge, politics, morality, information, communication.